

Энрико Карузо известен нашему читателю как замечательный певец. Но немногие знают о другом его таланте. Карузо был также отличным... на инатристом.

Для него, который считал, что талант — это умение видеть и преодолевать свои недостатки, чрезвычайно благодарным объектом собственного юмора был он сам.

Это, тенора, самой природой предназначенного на роли лирических и драматических героев, та же природа наделила маленьким ростом и довольно полной комплекцией. На автокариатурах он изображал себя подчеркнуто тучным коротышкой с круглым животом.

Карикатур на Карузо сохранились множество. Но автокариатуры Карузо во всех отношениях предпочтительнее.

Изображая себя или своих товарищей на подмостках, Карузо поразительно зорко и смешно умел представить малейшую сценическую фальшь. В его карикатурах чувствуется беспощадная насмешка над неправдой на сцене. Так смеялся Карузо над невероятной «страстью», с которой пели дуэт любовный Кавальери и Скотт, «страстью», выраженной столь сильно, что дзлала их похожими на ненавидящих друг друга людей. Рисуя сцену из оперы Чилеа «Адриенна Ленуврера», он смеялся не только над нелепо длинной и тощей героиней в паре с маленьким и толстым героем, но и над их духовной отчужденностью, над равнодушием и партнерше, повернувшегося к ней спиной Маурицио и мнимой трагедийностью аффектированных переживаний Адриенны. Ирония к исполнителям вылилась в иронию к произведению.

Хотя в юморе Карузо не было желчи и сарказма, а в его отношении к модели — раздражительности и стра-

5 ЕЩЕ ОДИН ТАЛАНТ КАРУЗО

стного негодования, его смех не всегда бывал добродушным.

Карузо, певший гимн гарибальдийцев, не был преисполнен священного трепета перед великими мира сего. Он писал карикатуры на королей, императоров, президентов, и в их числе — на правителей собственной страны: короля Виктора-Эммануила и папу Пия X.

Мировая слава Карузо была надежной гарантией его неприкосновенности. Он рисовал их с чувством всецелого превосходства, будто, перефразируя одно популярное латинское изречение, он говорил: «Правители недолговечны, искусство вечно».

Человеческие слабости, присущие обладателям царственного сана, переставали просто быть человеческими слабостями — будь то старческая немощь австро-венгерского императора Франца-Иосифа или бездушие великовозрастного кретина испанского короля Альфонса XIII, — они становились неперемненными чертами монарха.

В годы Карузо карикатура окончательно обрела самостоятельность от рисунка. Многочисленные детали были отброшены, глазенствовать стали черная линия и белое пятно. Первенство всегда принадлежало карикатуре сюжетной — политической и карикатуре нравов. Карузо же привлекала карикатура портретная, левашая несколько на периферии этого искусства. Подобно всем карикатуристам, Карузо испытывал интерес к одним чертам своих моделей и безразличие к другим. Но именно в том, что интересовало Карузо и к чему он оставался равнодушным, сказывался его вкус, его мироощущение артиста, его художнические пристрастия.

(По статье Г. Троицкой, напечатанной в 11-м номере журнала «Театр»).